

Александра АНГЕЛОВА

**ИЗВАЯНИЕ
В КОМНАТЕ БЕЛОЙ**

Анна АЛИКЕВИЧ

**ЧУЖАЯ ПЕСНЯ.
КУРБСКИЙ**

Об авторах

Александра Ангелова и Анна Аликевич — выпускницы Литературного института им. А.М. Горького, окончили поэтический семинар Е.Б. Рейна.

Александра
АНГЕЛОВА

**ИЗВАЯНИЕ
В КОМНАТЕ
БЕЛОЙ**

Журавлиная ось, перевернуто небо тобою...
Все летит и летит, ты не знаешь, куда все летит
И стоишь ли ты сам с перевернутой вниз головою,
А земля циркулирует в водовороте орбит.

Ты склоняешь меня, я тебя, утешаясь, склоняю,
Побелевшие нивы когда-нибудь снова взойдут,
И ты молча замрешь перед слишком большими полями,
Где пространство довлеет над медленным бегом минут.

Журавлиная ось, крик, идущий из узкого горла,
Щиплет душу как щелочь и как Паганини струну,
В твоём собственном крике последняя искра иссохла,
И он как бы неполным исходит во внешнюю тьму.

Ты меня утешаешь, и я, утешаясь, не знаю,
Что ответить тебе, потому что кричат журавли,
И их резкая музыка в небе немом утопает...
Все понятно без звука, все ясно, кричи не кричи...

Где шумит заколдованный бор,
Там и мне поздно ночью не спится,
То ли сосенка скрипнет под птицей,
То ли тени ведут разговор.
Вспоминают они о былом,
Кто живой, кто успел схорониться
В бытии запредельном таком,
Что во сне никогда не приснится.
Мне приснился в ту ночь этот сон...

Людвиг, Людвиг жил в столице
Музыкантов и провинций,
Людвиг, Людвиг плакал ночью,
Сочиняя по ночам.
Сочинял свои молитвы
Ко Всевышнему с обидой:
“Отчего Ты, мол, Всевышний,
В меня верить перестал?
Почему я, огражденный
От людей стеной покоя,
Не могу сонаты слышать,
Сочиненные Тобой?”
Отвечал ему Всевышний:
“Людвиг, Людвиг, Я их слышу.
Оттого твой слух греховный
И окутан тишиной”.

Тонкострунный, деревянный
И красивый инструмент...
Я боюсь, запас словарный
Исчерпал себя на нет.
Ты же выше пустословий,
Знаешь все в моей душе:
Где регистр в ней высокий,
Где избитые клише.
И когда в моих объятьях
Ты рыдаешь на басах,
Боги взвешивают счастье
Как монеты на весах,
А когда в порыве страсти
Ты исчерпываешь бас,
То мой ангел ипостасью
Так похож на контрабас.

Изваяние в комнате белой,
Как химера, стоит посреди,
Старый мастер его переделал
И добавил ребенка к груди.

И сказал: “Отчего ты тоскуешь?
Положительный смысл во всем,
Где и с кем ты сейчас существуешь,
Мы резцом беспощадным найдем”.

И добавились маски и лица
Хороводом вдоль каменных стен,
И периметр начал двоиться,
Образуя свою светотень,

И химера с ребенком красивым
На манер европейских Мадонн
Стала матерью всех херувимов,
Закрывающих лица крылом.

Мы были здесь, когда была зима,
Природа вровень с нами на покое,
И мысль ютилась в тайниках ума:
Что можно сделать кроме, кроме, кроме...
Ты говоришь: все сделано, пойдём.
Я отвечаю: только половина.
Давай преодолеем снежный ком
И вдаль пойдём, как воздух над равниной.
Но перед тем напишем пару строк
Тем путникам, идущим вслед за нами:
Здесь были мы, зубрили свой урок,
Конспекты там, за этими стенами.

Все же есть у меня одна тайная страсть —
Отключиться от дел и романы писать,
Только жить за героев таким языком,
Чтоб грехи их не вспомнили внуки потом,
Потому что имею я тайную страсть
О себе в этих книгах немного писать...

Вы отпускаете меня,
Я уйду от Вас внезапно,
Янтарно-алая заря
Спустила огненные патлы
На раскаленный горизонт,
Она идет по низким крышам
И, если встретит дымоход,
То обойдет его неслышно,
Тепло людского очага,
Тот сизый дым и запах серы,
Когда мешает кочерга
Какой-то мусор подгорелый...
Заря идет, и я пойду,
Она ведет меня за руку
И отпускает на лету,
Как надоевшую подругу.

Памяти Маяковского

*Если б Клее был немного злее,
Ангел смерти был бы натуральней...
А. Тарковский*

Пришел и был, когда на свете были
Такие же великие умы...
Потом Великих в речке утопили,
Быстротекущей Лете старины.

А он не знал, куда ему деваться:
Бежать за Летою или подождать,
Пока еще созреют те двенадцать,
Которых Бог надумает позвать.

Он есть один, тринадцатый апостол,
Он красный паспорт рвет напополам,
И выдвигает бронзовую поступь
На городской громоздкий пьедестал.

Он говорит, и публика умолкла
Молчаньем очарованных рабов,
Насквозь запотевающие стекла
Прониклись черным дымом от оков.

Он замолчал, и публика оглохла
От паузы, нависшей над душой,
И ясными в минуту стали стекла,
И публика направилась домой.

Он в кабаке не празднует победу,
Сбивая словом, бьет наверняка
Огромную мещанскую планету
С изяществом бывалого стрелка.

Он отойдет, не все его забудут,
И лик поэта, сброшенный в архив,
Покажет, что он не был бы Иудой,
Преобразив свой дольник для молитв.

Теперь, как прежде, хочется туда,
Где я жила на кончике куплета,
Покамест пела пагубная Лета
И в трубах мифа шамкала вода...

Теперь и я уже совсем не та...
Я заплутала в этом сложном ритме,
Я потерялась в собственной молитве,
И мной овладевает маята...

И день за днем, причина за причиной,
Грубеет ахиллессова пята,
С души слетает мерзкая личина,
И можно жить как с чистого листа...

Родной души глаза не смотрят в спину,
И разговор не льется как вода,
Когда он разбивает лабиринты
Случайной жизни, мысли мимолетней,
То уж, пожалуй, бьет наверняка,
Включает лампы, заряжает бритвы,
Стерилизует кисти для мазка —
Инструментарий жизнью накопленный,
Разложенный на полочке по чину,
Чтобы замыслить что-то на века.

Где спала Лаура на подушке,
Там чужие люди почивают,
Ночью просыпается старушка
Веке в восемнадцатом, случайно...
И идет, чтобы испить водицы
И подумать: что так рано встала,
И немного Богу помолиться,
Чтобы снова влезть под одеяло...
И ее Петрарка не любил бы,
Если бы была она моложе:
У нее была не та палитра
И плебейски слепленная рожка...
Что поделать... бедная старушка
Никогда Петрарку не читала,
Вспоминает глупые частушки,
Засыпая вновь под одеялом...

Время уходит в прорубь молчащего утра,
А на границе стоит солдат, почти замерзая,
Дремлет над книгами древними самый мудрый,
В замке вельможа шепчет: “Спи, дорогая”...
Томно вздыхают слуги, но надо готовить завтрак:
Барин не любит ждать и встает с рассветом...
— Позже, сестрица, будешь о сыне плакать,
Сделаем завтрак, займемся с тобой обедом...
А после ужина черная ночь поглощает свечи
И не видать никого, и мы все свободны.
Можешь накинуть плащ на сухие плечи,
Выйти на улицу, думать о чем угодно...

В моем саду и слова не растет,
Один бурьян какой-то небывалый,
Ни писем нет, ни прозы, ни стихов,
Но солнце и над ним сегодня встало,
Как и вчера, как и сто лет назад
Над каждым иссушенным солнцем садом,
Но прошептать светилу “нет, не надо”,
Я не могу, любя его закат.

Я хочу туда, где нету ни “да”, ни “нет”,
Где вопрос, отражаясь, выглядит как ответ,
Где вражда утихла под бременем пустоты,
Где сошлись в едином безвременьи я и ты...
Где соленым сгустком тает звезда-полюнь
И мы можем вслед прошептать ей свое “Аминь”,
И следы ее протереть ледяной рукой,
Чтоб судьба, не видя их, всё ж обрела покой...

Мне беспмятство трудно далось,
Дни и ночи сошлись в бесконечность,
Может быть, я все вижу насквозь,
Но забыла о главном, конечно.
Только шорох несказанных слов,
Как раскаты неблизкого грома,
Заполняет пространство листов,
Чтоб создать мироздание снова.

Все проходит, и это пройдёт,
Не оставив ни капельки боли,
Как бы не было это что ли
Среди всех повседневных забот.

Камни памяти скатятся вниз,
В пасть зияющей шёлковой бездны,
И пока мне ещё неизвестны
Те, кого не сумею забыть...

Чуешь, летит гигантская птица Рух,
Дым поднимается куполом с черных крыш...
Вроде житейской символики адских мук.
Дым будоражит небо, а ты молчишь...
Если ты скажешь тихо: “Гореть не нам”,
Смех в тишине, как молния свой излом,
Выстроит кривизну по моим губам,
И я отвечу так же: “Не надо слов.
Рух пролетает мимо, давай молчать
И сознавать величие тех, кто там.
Рух пролетит, и солнце взойдет опять,
Чтобы разбить Вселенную пополам...”

У меня красивые стихи,
У меня холодные объятия,
У меня в душе аккордеон
Повторяет старые мотивы,
У меня библейская Эсфирь
Ничего не носит на запястьях,
И уходит в бесконечный сон,
Проклиная солнце Палестины.

У тебя такое же лицо,
Как у постаревшего Давида,
У тебя душа — немой оркестр
С дирижером, вышедшим курить,
У тебя столетнее письмо
До сих пор осталось не раскрыто,
И оно находит свой конец
В перманентном инобытии...

Почему я помню о тебе
То, что ты, пожалуй, и не вспомнишь,
Почему ты знаешь все мои
Записи, слова и дневники?
Потому что памяти видней,
Что забыть, отсеять и запомнить,
И к тому же, память говорит,
У меня красивые стихи...

Я буду искать тебя среди земных человеков...
Уныние в душу как в царство одной пустоты,
Смущенной от века, прикрытой истоптанным снегом,
Пора хоть во сне называть все дурное попроще, чем ты.

И царствие скуки прилепится к сильной надежде...
Что было завернуто в шкуру грудного зверья,
Теперь и отныне оболгано в самой одежде,
Смотри на лице, как в огонь, не пришедший в себя.

Дела переделаны, есть перерывы в сюжетах,
Заря — это опытный пленник аскезы и сна...
Я буду искать тебя, как я ищу тебя, где ты?
Нам с миру по нитке нет мира и участь одна.

И я отыщу тебя среди руин и разрухи,
Где каменный бог медитирует в маске без глаз,
Заря догорает как диво и падает в руки
Под утро отставшая от предыстории звезда...

Приходила под утро, не скажешь, снилась,
Не являлась также как день вчерашний,
Черепная музыка, Муза сильных,
Судьбоносный куст из синайской чаши.

Что ты бродишь, Муза, в ночном тумане,
Отдающем сонным распадом, слова
Не изволишь вымолвить, между нами,
Это твой удел и твоя основа.

Что ты снишься, мыслишь, чего не надо,
Если весь наш ум остается в слове,
Закали мой мысленный взор распадом,
Отпусти как птицу, оставь в покое.

Если время сна еще не закрыто,
А стихи и песни лежат под спудом,
Забирай, родная, свои пожитки,
Заработай больше вином и блудом.

Пальцы бьются в небесном органе,
Будто голуби, спавшие с крыши,
Я держу свою лиру в тумане
И ее переборов не слышу,
Я подсела к серебряной лире,
Бью перстами ее колымагу,
И спасибо всей музыке мира
За ее красоту и отвагу.

В херувимском саду отдыхали,
Под палящей десницей Господней,
И нашли в опьяняющей дали
То, что взвешено было сегодня
На плацу, где искрились погоны
И заря будто кровь догорала,
И заря эта стала уроном
Херувимскому счастью хорала...

Музыка северной полночи,
Небо взывает ко тьме,
Скоро пророки исполнятся,
Ил повернется на дне,
Дальняя, дальняя, главная,
В ножнах бумажных в руке,
Литера счастья заглавная
На непростом языке,
Музыка полночи северной,
Роза большая у губ,
Скалочка жизни размеренной,
Небо земное вокруг.

Ничего мне не надо от Бога,
Только душу спасти, уберечь,
Изнемочь не дойдя до порога,
Опечалиться, выдержать строго
Все посты и слова выше плеч.

А в мозаике чисел без счета,
Музы думают, сколько им лет,
И химеры под каменным сводом,
Обзывают природным уродом
Поврежденный Адамом скелет.

Здесь не слышим орган Себастьяна,
Твердокаменный зодчий кантат,
У Жуковского ангел — Светлана
В мистицизме душевного плана
Проводила все ночи подряд.

Но и мне не привыкнуть к облому
И словесному року и лому
В буреломе приличных страстей,
От тебя не дождешься вестей,
Не изгонишь обиду из слова,
Не допишешь, не сдашь повестей.

Ничего мне не надо от Бога,
Только штыки блестели голодным блеском,
Как бы не осрамиться перед известным
Ликом, лицом звериным, какой позор.

Что сторожим, чуму ли, какой - то сон,
Чтоб его, бестию, даже не выйдешь к людям,
Если они и есть или даже будет
Что-то такое к завтраку или днем.

Враг подступает к горлу, соседи спят,
Вече изжито и вновь перестанет буря,
Кто-то из караульных убьет себя,
Скажет, что это лучше, чем ждать и думать.

Нету обителей больше и сказок нет,
Мучить тебя не хотели, а только взвесить,
Легок, тяжел ли в вечности твой ответ,
Но и вопрос соответствует всякой лести.

И не убьют, запугают, возьмут свое,
Если ты трус, если нет - то еще страшнее,
Как им смотреть в глаза, как простить за все,
Сорок ночей сторожили, а что важнее.

Романс

Жребий брошен. Гости разбежались,
Даже гуру заднего ряда,
Отправляясь к женщине распутной,
Исчезает ночью без следа.
Ну а мы совсем уже проспались,
Посмеялись этой глупой шутке,
А потом с объятьями расстались
И исчезли сами без следа
Как и гуру заднего ряда.

Жизнь в слезах, обидах и проступках...
Белый снег — она еще чиста,
Как вода не питая в стакане,
Как на небе первая звезда.
И она становится распутной?
Разве с нею мы вчера расстались,
В эту ночь, а, значит, навсегда?..

Эта ревность к женщине распутной...
Почему мы ходим к ней кругами,
Если ночью мы ее не знали,
Ну а днем уходим без следа,
Как и гуру заднего ряда,
Что возьмет всю власть еще в финале
И прикончит словом эту шутку,
И уже не станет никогда
Исчезать вот так вот — без следа.

То и дело судьба говорит
Мне с дорогой не знаться обратной,
Поточу я клинок невозвратный,
Чтоб глаголами жечь и разить
Тех, кого я встречаю в пути,
Уходящих в безликую бездну,
Или в рай, или в ад поднебесный,
С раной в сердце и песней в груди.

В бытии непростом, но каком-то немом,
Но каком-то слепом, как заброшенный дом,
Наша мысль напевает себе об одном:
«Мы живее живых, мы еще попоем».
И в самой нашей речи как в зыби зеркал,
Что-то Бог всемогущей рукой записал,
Чтоб внезапно проснувшись от смертного сна,
Мы будили других, раскрывая уста.

Анна АЛИКЕВИЧ

ЧУЖАЯ ПЕСНЯ

Татарская песня

Если, звезды, зорко вспыхнете,
То вернусь к мечте моей
О серебряном копыте
И последнем из морей.

В желтом шелке черновласую
Заворачивал в соболь,
Говорил: над всем я властвую,
Кроме власти над собой.

На кострищах пиროвания
Допивался до темна,
И ни разу не говаривал,
Как река была мутна.

Если, звезды, вы померкнете,
Пристывая к палашу,
В моей жизни, в моей смерти
Не винить меня прошу...

Слава Игорю

«...а князю — славы...»

Слово о полку Игореве

- Слава тебе, Проигравший,
во веки веков!
- Слава тебе, темной ночью бежавший
из стана врагов!
- Слава тебе, все знаменья, затменья, камня —
презревший!
- Слава тебе, возвращенье
с добычей предрекший!
- Слава тебе, что горел —
и могуч, и красив, и упорен!
- Слава тебе, твоё войско лежит на горе,
во потоке, на поле!
- Слава тебе, полоненных
размыкали кони!
- Слава тебе, твои стяги склоненны,
и други спокойны!
- Слава тебе, ты молился
и чану и хану!
- Слава тебе, твои земли - как палые листья
легли, бездыханны!
- Слава тебе, о просторах сожженных
поведает ветер!
- Слава тебе, кто воспет в поражение,
как ни один — и в победе!
- Слава тебе, и страну, и жену, и струну —
потерявший!
- Слава тебе, Проигравший!

Князь Игорь

Тайное вовек не станет явным.
Звезды, осиянные луной.
Князь пресветлый волком безымянным
Пробегает полночью степной.

Сонм травы туманами овеян.
Всколыхнул луну далекий зов.
Игорь-князь выходит диким зверем
На тропу звериную лесов.

Дышит глубь сырым и тяжким духом.
Не расчешут лешие бород.
Здесь князь ступил стрибожьим внуком
На тропу нечистую болот.

Пращуров и ведьм поганым следом,
Сквозь костры, сквозь мертвое жильё -
Рыщет он, и древний страх неведом
Порожденью, взявшему своё

От земли последним, меньшим сыном:
Кость от кости, павшей во жнивье,
Плоть от плоти нежити старинной,
Кровь от крови меркнувших ручьёв.

Возлетает птицей в поднебесье,
Озирает темные поля.
Упадает в сердце лихолесья:
Ты ли, я ли, Русская земля.

Русская земля

Это плещут вёсельные чёлны.
Это ветер вьется над ветлою.
Это крест тускнеет золочёный
Над уснувшей русскою землёю.

Это кромль восходит деревянный.
Это инок летопись выводит.
Это струны дрогнули Баяновы —
Это звезды замерли на небосводе.

Это клонятся дерев столетних ветви,
Это ночь спускается на воды.
Это скачут киевские ведьмы
Над Днепром в бесовском хороводе.

Это травы дышат под Путивлем.
Это месяц всходит над волнами.
Это Нестор, желтоокий филин,
Кружи над старинными холмами.

Душа моя...

...Что книги перелистывать -
Я слов не разберу:
Душа ль бежала из дому?
Иль разум мой в бреду?

Глаза мои лазурные,
Мой золотистый лен —
Они ль, землей разубраны,
Лежат под ковылём?

Персты не жмите кольцами,
Ни голову - венцом:
Душа моя — раскосая,
С оскаленным лицом...

Плывет ночными реками,
Густую гнёт траву,
Скользит степными ветрами
К далекому костру...

...Ей звездный лик ощерился,
Ей ветер вьёт закон...
Душа моя - кочевница,
Летящая в огонь...

Песнь о войне

Три ладьи по морю возвратились.
Нет вождя на судне на четвертом.
Воевал он, воевал он с Византией,
Сдался в плен, как подобает: только мертвым.

По дороге, прозеленью меченой,
Не идти или пройти он волен.
Он идет: ему бояться нечего,
Потому что был он верный, храбрый воин,

Потому, что меч его раздроблен
О шеломах греков золотые,
И глубокой раной неровною
Обескровлен лоб его остывший.

Для себя — он не попросит многого,
Но о роде и о родине сказав.
Подошел, взор поднял, а у Бога —
Византийские — спокойные — глаза.

Мастер

...Цвела мозаика. В развалинах
Звенели блики голосов.
Войдя, один из дальних варваров
Лицо увидел сквозь песок.

Увидел небо светло-синее,
Белого золота полёт,
Как желтый остов древесины
Под стертой краской восстаёт,

Скупую выписанность ткани,
И зелень в слюдяных лучах;
Жену застывшую, веками
В глазах несущую печаль,

Ввысь уходящие стропила,
И вязь, что вывел богослов,
И как лиловые порфиры
Горят в закате куполов,

И кисти небывалый почерк
Обрел, и напряженье скул,
И руку верную и очи,
И безъязыкость — и тоску.

Песни девы

Ты, чей волос подобен черной соломе,
Высохшей водоросли солёной,
Вьющейся трещине в моем лале,
Подобен всему, что мы потеряли;

Ты, чьи ноги легки, как сухое древо,
Как песок горы, пар воды у берега,
Как ковыль, летящий с заросших пашен,
Как все то, что вовеки не будет нашим;

Ты, чье око подобно темной и терпкой
Крови, не текшей по венам предка
Ни моего, ни из тех, кто рядом —
Цвет земли, что живёт войной и виноградом;

Ты, что первый среди равных и равный среди первых,
Чьи уста горьки, как морская пена,
Чьи слова сладки, как медвяные яства,
Чьи пути тихи, словно тропы аспида.

Да клянутся твоим именем цари в спорах!
Да зовут твоим именем детей в селах!
Ты, что ловишь дев на золотые струны!
Для меня больше нет ни красивых, ни юных, -

Посмотри, это разве не ты со мной сделал? —
Нет ни тёмных, как мрак, ни, как лён, белых, -
Только ты есть один, и крепки твои пути, -
Ты, с которым - не буду.

К имени

Не назову ни сыновей, ни внуков
Гремящим, горьким именем — в день сует.
Пусть по складам из летописных букв
Его на древнем языке произнесут.

Пусть в ветхих сводах, в службе беспрестанной
Его хранят затворников уста.
Ни глаз твоих, ни голоса, ни стана
Не выдаст в мир скупой полуустав.

Пусть вязь замков тугого переплета,
Пусть толщина стен и памяти ключи —
Его спасут от времени навета,
От стрел татар уставят твердый щит.

Но дух, подобен молнии ночной,
Пусть он, сжигая книгу, повторится,
Когда мой сын, беспечный и земной,
В ней отворит тяжелую страницу.

Песня о море

Не понимаю, как измерить
Сини морей до дна.
Что есть измена, и что есть верность,
Если любовь одна.

Может, я никогда не увижу —
В море идет волна...
Что есть дальше, и что есть ближе,
Если любовь одна.

Может, я никогда не исполню —
Темная глубина.
Что есть вместе, и что есть порознь,
Если любовь одна.

Белой пеной, песком и медью
Мутная глубь полна.
Что есть в жизни, и что есть в смерти,
Если любовь одна.

К бронзовой розе

Прости меня, о роза, зыбь резная,
Что вековой нарушила покой.
Прости меня - когда б я только знала,
Я чуда бы не тронула - рукой,

Понять тебя от юности желая,
Как всякий смертный род нетерпелив.
Когда б я знала, что, и неживая,
Себе не помнишь равных ты - живых.

Любовь и отречение мгновенны,
Но облик твой — бессмертная стезя:
Прости меня, что приняла на веру
Слова слепцов, не видевших тебя

И труд богов безумно попирала,
Взяв нежный лист, что день один зелён.
Прости меня, бесценная оправа
С гефестовым темнеющим литьём.

Прости меня, работа золотая,
Мои глаза закрытые прости,
Что мнили, будто истинно читали
Твоей резьбы холодный, древний стих.

Пусть наши души, и светлы и лёгки,
Поднимутся сквозь белую повесть:
Старинных два цветка тончайшейковки,
На зелень бронзы — розовая медь.

Хозяин медной горы

Не клянись, Данилко, Катьке в любви, не клянись,
Да о девической чести не выпытывай,
Когда сердце камнем падает вниз —
Полною шкатулкой малахитовой.
Уж как белый шел со свадебного ужина:
За стеклянные глаза, рудяные волосы
Словно чаша моя, жизнь моя порушена,
С той расстаться мне нельзя, там остаться мне нельзя...
Не гадай, черная Катька, не гадай:
Голос тонкий, ломкий, скорбный, каменный —
В голове его до смерти бьет — звенит, как Валдай,
И ломает мастер голову холодными руками:
«Ох, хозяин медной горы,
На какую девицу ни зарься, ни смотри,
А сюда все одно вернешься.
Непосильна твоя ноша —
Щепоть зеленого бисера,
В лодку ладони твоей высыпанная».
Что ты знаешь, Катька, Катька, о любви —
Душой своей чистой, красой своей белёсой?
Вот они знают — женатые бобыли,
Что сжимают в сердце изумрудные ее слёзы,
Не носи ему на склон по праздникам вербы —
Вовсе не тебе он верен, верен был,
Иль не знаешь, кем он изнутри сгорел?
Спит в лазоревом гробу, в золотой горе,
И цветет ему цветок из камня на заре.

Сказание о душе

Из рек туман полночный вышел,
Неспешный полог свой стеля...
Душа летит, и Небо - ближе,
И невозвратнее — земля.

Не скок коня, но хлад полёта,
Мерцают искры в удилах,
И звездной пыли позолота
На двух раскинутых крылах...

Но пустят стрел - и будет падать,
И крылья выжгут до кости,
И изломают путь и память, -
И пепел выбьют из горсти.

Вещавший рот ее застынет.
Поспешно летопись сожгут,
Завесят лик, забудут имя,
Пустые руки скрутят в жгут,

Введет в тюрьму земного тела,
Приюта, хлеба и забот.
Душа, метаясь по пределу,
Прижмется к прутья охладельм,
И взоры — в Небо возведет.

Сказания о душе

Когда я отреклась от Бога
И крылья сбросила с себя,
И скрылась мглой моя дорога,
Моя небесная стезя,

Когда поправа я святое,
Свой высший жребий прокляла
И одеянье золотое
Спалила в пламени костра,

Когда на землю я ступила
И обратилась к тропам зла,
Когда несытой шла я с пира
И невеселой с гульбищ шла,

Когда мне стало все немило
И стало нечего желать, -
Тогда лгала, что я любила,
Пила, и ела, и жила,

И всей земли мне было мало,
Чтоб заглушить мою тоску...
О, Боже, Боже, я узнала,
Что жить без неба не могу.

И все мне стало ненавистно,
И, обезумев на земле,
Я захотела снова в выси
И крылья сделала себе.

Я их из молнии сковала,
Печали, гнева и огня.
Туда, где прежде я летала,
Они не подняли меня.

И я кружила над землею,
Метаясь всюду без конца...
Я наклонилась над водою —
И не увидела лица:

О, то, что на меня смотрело,
Так жутко скалилось во мгле,
Что ввысь я в ужасе взлетела,
И камнем пала я к земле.

-
И, скрыв руками ужас лика,
Я уползла, как тень, во мрак.
Ужели к тишине великой
Могла подняться я в ветрах?

Ужель летела я и пела,
Молитвой оглашая ночь,
И падала золотая пена
Со скакуна, как звездный дождь?

И светом крылья были полны,
И тьма скрывалась предо мной?
Ужель была в небесном сонме
И Бога славил хвалой?

Я обитаю в подземелье,
С рассветом скрыть себя спеша,
И кто б, узрев меня, поверил,
Что в небе я была душа?

Я там, где места нет надежде,
Я в вечной тьме, но даже здесь
В моих глазах горит, как прежде,
Лазурь оставленных небес.

КУРБСКИЙ

Письмо Курбского

Наш мир построен из словес и тлена.
Судьба — как ночи августа темна.
Как от земли, пестря, уходит лето,
Моя душа уходит от меня.

И как мой род неосторожный вымер,
Я так же пропаду:
Мне хочется поехать во Владимир,
И в Слободу...

Мне хочется, глаза закинув в небо,
В дождях пропасть,
И гнать коней по вскруженному снегу —
Под листопад...

Идти бегом по бархатным палатам,
Во мрак ступень,
Через ползущий в половицах ладан,
Через капель;

И забывать, что чуден я и смертен,
И, мысль погнав,
Вдруг уловлять тревожный влажный ветер
В киот окна;

И глянуть в алой пропасти колодезь
Из мутных впадин...
Мне хочется любить тебя до слез,
И на колени падать, падать, падать...

И ткать рассказ, как пелена ткалась,
Которую не царь — уж инок носит.
Мне хочется приехать... только раз...
В последний... Да пребудет с нами — Осень.

Колокола

Колокола, колокола,
В Коломенском колокола -
Звонят - к расколу от кола,
От грозного стола.

Ступени белые стары,
Скрипят пурпурные ковры,
И Вознесенского шатры,
И позади — обрыв...

По всем, по всем, по всем, по всем,
По тем, кто сгинул и спасен,
Кто был столетий колесом
Закатан в чернозём —

Гудут, гудут колокола...
Как у царя — два сокола,
Единый свой, другой — хоть вой,
Хоть с башни в землю головой...

...и можно дланью вырвать глаз,
Окаменеть, зайтись, проклясть,
Поднять на дыбу, на дыбы —
А как забыть, забыть, забыть...

Лечь в гробовую пелену
И затвориться в терему,
И кровью хлынуть так, что муть, -
А как вернуть, вернуть, вернуть...

Но будет розовая медь
Как склеп старинный, зеленеть,
Сухие острые персты —
Стучаться в монастырь,

Под те высокие кресты,
Под колокольный переклик —
Забывать, вернуть, любить, простить,
И снегом скрыть свой темный лик.

Последняя осень

- Уносится ввысь вероломное небо,
Верхушки шатров замутил листопад.
И другом я не был, и братом я не был,
А просто под пальцы ложиться строфа.

- Ни другом, ни братом, ни до и ни после, -
Пространство рассек колокольный удар, -
А просто в сквозную, последнюю осень
Меня потянуло писать в никуда.

- Я вижу плывущие белые башни,
И ворон безмолвный над дальней повис.
А, может быть, ты — этот ворон? Мне важно,
Мне — важно. Живым, я прошу, не сорвись.

- Над караульными кружится ворон,
А, может быть, ты — этот ворон? Поверь,
Всё же я волен, и вечно я волен
В смерти и в жизни твоей (и своей),

Но что же есть верность и что есть измена,
И жизнь ли уходит, и смерть ли близка,
Если тоску мою может измерить
Только твоя, по несчастью, тоска.

Соколы рвутся, и падают оземь,
И прочь их, ломая, ветра волокут.
Мне в эту свистящую, гулкую осень
Пришли —

хоть письмо,
хоть ответ,
хоть строку...

Письмо Курбского

Огня и копий река плыла —
Ты мнил, минует твоих палат,
Я мнил: к святому склонюсь покрову —
Укроет мою главу.

Ты мнил, за вины вся земля
И мрак, и морок, и мор излит,
Разверзлись хляби на смрадный хлев,
Столы стояли — да встанет склеп.

Я мнил, умыты мои персты,
Творить молитвы, пеньку плести,
Я чист, душа моя спасена...
А может, главная — моя вина?

Ты мыслил, каждому — по делом,
Ты мнил, наказывал Вавилон;
А на расправу мы здоровы:
Головы, головы, головы...

Ты мыслил, истина явлена...
А может, главная — твоя вина?
А может, в этом... Прости, прости...
...Господи, Господи!...

Письмо Курбского

Что мне от того живота!
Ин, белое - любо — дорого!
А не видят, как мутная всходит вода —
До куньего ворота!

Что мне виноградная гроздь,
Меды сладкие, вечные:
У души невестной - грязь
До самого венчика!

У тебя в соборе брачный обряд,
У тебя свадьба чистая!
А не видишь, как их души верные в скиту горят
—
Бегут антихристовая!

Что мне голубые песцы,
Что теперь мне под луной — с девкой сенной,
Если мне уже не спасти
Души своей — никакой ценой,
Ни одной.

Не спасутся никто своей судьбы,
Не отмолятся — не отмоются
Рукава — вы мои белые — по локоть в крови,
Хоть пльиви —
По локоть в золоте!

Прокоптился, как печной заслон,
Из всех гумен — вымазался.
А у Господа там, знаю, клевер зелён,
И пчелы на цветник вылезли.

Как же на веселье честное я пойду,
Если уже знает моё сердце:
Никогда не бывать мне в Том саду,
Моей ясной свече — там не теплиться.

Отречение

...Закат, разлейся и зависни,
И горесть смертную усиль.
Как отрекаются от жизни,
Наверно, так же - от Руси:

От потемнелых слойных красок,
Что разводили на белке,
От стертых ликов скорбных Спасов,
Узренных всеми и никем,

От вещей лиц длиннобородых,
Дорог незримых и людских,
От византийской позолоты
И от владимирской тоски,

Переплетений ветхой вязи
(Глазам — бежать — не утерпеть...),
Коня, дождавшегося князя,
И от степей, степей степей...

Льет день, который, растекаясь,
И унесет, и оглушит...
...И от Руси так отрекаются,
Как от земли и от души.

Уход

Да, ныне день, как прошлый, блекнет,
Лишь только следующий наметь.
Я уйду. Пусть будет проклят
Завет, проклясть который — смерть.

Кто говорит: побойся Рока —
На всех путях он недалёк.
Я выбираю не-дорогу,
Затем, что здесь мне нет дорог.

Её — безлунна ли, долга ли —
Не осветить и не найти.
Я уйду. Пускай долгами
Займутся те, кто позади.

Иной стопой шагают будни —
Их прах рассыплется на дне.
Я уйду. И что мне будет
За это — безразлично мне.

Но — не надломишь, не прогонишь,
Доколь исток не обмелел —
Меня такая топит горечь,
Которой суть — не на земле.

Тоски, о ветер, не замел ты:
Впусти в свой вой и душу вынь.
Ведь лучше стать навечно мертвым,
Чем быть навечно неживым.

Молитвы

1.

О Боже, какая тоска
И истома,
Когда уже нет — проскакал —
Ни дома,
Ни ночи в густой луне,
Ни напева — всё немо...
И Тебя уже нет —
И не было.
Невозвратную свою любовь истоптав,
Навсегда — верста, верста, верста —
(Да и нет их, верст) — уноситься...
И всё-таки хочется так...
В последний ... проститься...

2.

За то, что не так, как хотел, прожил —
Прости меня, Боже.
За то, что предал.
За это — редок
Уж мой
Синевой
Перелитый волос.
Посыпана солью волость.
Источник глаз обмелел,
А жена — в земле,
Которой мне не видать —
Никогда.
И не помнить, откуда я родом.
За то, что продал.
За это —
Нет днем мне света.

А в ночи — сна.
Красного дуба кровать резная —
 Лягу — как домовина.
Тоска удавила.
Рассвета не дождусь,
Поутру изведусь
 До полудня.
А до ночи — дожить трудно.
Все жду закат порозовельный.
За веру.
Да что! Что ушло — не ворочено.
За то, что нет отчины,
И путь мой мной же оболган.
За то, что нет Бога.
За то, что по тьме и беззвездью
 Всю душу изъездил
На мертвом коне,
Догорел и окаменел.
За то, что из всех стезей — ни одна стезя,
Чтобы вывела, мне не ведома...
За то, что такого простить нельзя —
Прости хотя бы поэтому.

Листопад

Боже мой, Боже мой, как же это могло получиться:
Желтый лист огневой упадет на горечь страницы,
И, монах одинокий, ушедший скорбеть и молчать,
Вывожу эти строки — и золотом верным врезаю печать,

Выжгу алым - татарского рода старинную кровь:
Ведь и сам я не малый, - но в молчании более слов.
Царь, прощеньем не жалуй — потомка Червонной Орды:
Лучше яшским кинжалом, чем князем твоей Слободы.

Вем, караешь бежавших, по сто прилагая ко сту.
Ужли верности жаждешь, сам верен мечу и костру?
Длань, что кровью вскормила, не сыщет опоры в дарах.
Католический лик Казимира — не твой опаляющий зрак!

Чем высокая хвоя и старинный церковный аминь,
Лучше поле, да воля, да степная льняная полынь.
Чем московские ночи на высоком колу палача,
Пушкай ветер разносит дикий Дежт и песчаный Кипчак.

Чем за речь полуправды лечь на паперть в предсмертной
мете,
Лучше колкие травы вышлю в горькую подать тебе.
А когда твои воры вдосталь вспоят топор и ножи -
С них и спрашивай веры, от них верности ты подожди.

Но, как равному равный, говорю о печальной судьбе.
Труд душе гореславне вновь другого сыскать по тебе!
Лишь вспомню о яростном долге - лист зеленый летит в
полыню.

Ведь и жизнь бы когда-то я отдал за былую улыбку твою.

Как могли разлучиться, и чем жив я доселе - не вем!
Гонишь коней - на Новгород чистый — ужли мало кровей!
Что ни есть перебитых — черепа на единый оскал.
Неотступную вечную свиту - получи! Что искал...

Розовеющим снегом опушилась земля в Слободе.
Заступиться-то некем — тебе будет на Страшном суде!
Во болотище вязком твои тропы — и белой зимой.
Перемолвиться не с кем тебе будет - в Геенне самой! —

Кроме бесов проворных, от которых встают волоса,
И не будет, о правды поборник, никого, кто б тебе отписал.
Сей отступник - быть может, наследник поминаний о други
своя.

Сей изменник - быть может, последний, кто замолвит за
душу царя:

Оглянись! Вот они, твои верные слуги - встанут наперечёт:
Обвели, обманули, попутали темные слухи,
лишь горячая кровь по коврам златотканым течет.
Аз ли буду навеки в пучину погружен? Кто из нас - в
небесах!

Се быть может единый твой друже по сердцу тебе отписах.

Пир Грозного

...мед расплескан по столу, и с платком широким
Лебедь кружит по ковру, разметавши руки...
То ли брезжит, то ли сон — на глазах у свиты-
Косы бьются о лицо, жемчугом обвиты.
Удержать? Да в силе ль вы? В судорожной остуде
Пальцы жмут до синевы бахрому златую.
Не найти в лице лица: от дымов, от брашного -
Лишь подвески в нем бряцают, да глаза прозрачные.
Чёбот войлок истолок, рот поджатый высох,
Разузорный потолок то высок, то низок.
(На столе — червлена снасть, за стол не усесться:
У стола лег навзничь князь — да с ножом у сердца.)
...три удара, два шажка, поворот — застыли —
Разойдись, моя тоска! — два укора, два зрачка Древней
Византии...
...два удара, поворот, искры вьют подковки —
Что ж врагов не побороть? Да вот доски скользки!...
Сапожок, не поскользись. Серафимов лики
Мечутся то вверх, то вниз...- Государь великий!
Погоди- постой плясать, да шута побалауй:
У тебя бежит слеза по щечке по впалой.
Али, может, оботру? Тошно тебе зело?
- Ай, и пьяны смерды врут: не слеза то, зелье.
Зелье, знахарь, не простое — глуп твой князь, иль умен? —
Пил боярин зелье то, недопил, да умер.
-Хошь казни, а хошь ругай, толико взгляни-де:
У тебя бежит другая по другой ланите.
- Ты умолкни, да прочь подь, бубенешник старый.
Не слеза то, душный пот (...распахнуть бы ставни...)
Пот тот, шут мой, не простой, а ты недогадлив:
Брата я садил на кол, вот с того и капли.
(...распахнуть бы, да нельзя: руки непослушны...)

- Это воск, а не слеза (...душно, братец, душно...)
Воск тот, нечисть, от бела от огня, от жара:
Настасия умерла — свечка набежала.
(...и сказать бы, да нельзя: уста как в неволе...)
- Это кровь, а не слеза! — что, бес, тебе боле?
Эту кровь не повязать, бежит она, красная,
Как горящая слеза — за всех, кого напрасно я...
Златы власы развились, ясны очи слепы,
А во уме — то низь, то высь, то земля, то небо...
Мои ноги холод ест, пояс перетянут...
Что, юрод, красив я есть? Что со мною станет?
- Как ты, князь, меня спросил, я слова все спутал...
Ох, красив ты, князь, красив...неживой как будто...
Лик твой бел, как пелена. Неответлив разум.
Сверху смотрят на меня два печальных глаза.
Диво ли, что твои уста запеклись — не скажешь,
Дрожь трясёт тебя часта, в тонких перстах — тяжесть,
Как оливы в недрах пиал, очи в муке мокнут, -
Если сверху на тебя они тоже смотрят.
Если карих глаза два пред твоими встали —
То помогут ли едва и Нестор, и Макарий,
И все Сорок Сороков пред ними безделка,
Ибо очи высоко, а купола — низенько.
Коль они в твоих глазах, как в моих, остались,
Нечего тебе сказать, хоть и дряхл я старец.
А твои очи в пол лица: как ведут на плаху
Без вины...Не плач же, царь!...А то и я заплачу...
Я — за городов и сёл, за землю и небо,
Я за всех - за всех, за все, кто и был, и не был,
За них, бедных, и за нас...и за того, что давечь...
Что же ты, великий князь... Что же ты... рыдаешь...
То ли морок, то ли сон — на глазах у свиты-
Косы бьются о лицо, жемчугами свиты —
Мед расплескан по столу - и с платком широким
Лебедь кружит по ковру, разметавши руки...

Пир Грозного: Курбский

О, мы, что с толпой распинали Бога,
Что пили вино в последнюю из вечерь,
Устами, закушенными тревогой, -
С прислужником тьмы, с измышленьями Рока, -
Как ныне идем судить палачей?...

Упали на ветхий пергамен Книги
Годами иссушенные персты, -
И вновь пронзает бесплотные лики
Далекий шум сатанинской клики,
И твой огненный облик - из темноты:

Внизу, в веренице фигур безымянных,
Сокрытых схимами покрывал,
Всё чудится рот твой кривой, Басманов,
И ямы глаз, оскверненный ангел,
В червленом золоте голова...

И плач твой старинный в агонии пляса,
И дробь колокольцев в подковках сапог,
Все царские кольца на вспыхнувших пальцах —
Взлетают - и круг бесоводов распался,
И ты выступаешь с пяты на носок...

Плывешь - и содом задохнулся кричащий,
И царь замирает над адским питьем -
Так мерно восходят бесценные чаши,
И дремлют смарагды работы редчайшей
На паволоке ночи — на платье твоём...

На лик твой нездешний ложится личина,
Дурак ударяет в разбитый кимвал -
И кружится тени, уж неотличимы
От чада, от блеска, от воя пучины,
И бесы несутся в огне покрывал...

И та, что избрала свет не от мира,
Чей образ смиренный предстал невесом,
Трепещет: не горние светлые силы -
В объятья воспримет ее Темнокрылый,
С твоим иссиня — белым точеным лицом.

Молитва Курбского

Сколько лет я просил у Господа:
«Сохрани мне, Господи, голову —
Мою память многопудовую —
На плечах моих — до погоста».

Сколько лет я просил у Господа:
«Жизнь подай мне, Господи, долгу».
Сколько лет на земной юдоли
Нет ни кровного мне, ни родственника.

«Ты оставь мне, Господи, золота,
Да не столько, как чина сильного».
Как по белому-то алым залито,
Как по серебру-то зелень сизая.

«Ты пошли мне, Господи, ближнего —
Да заступника неизменного,
Да помощника - на беду смертную».
За меня мой друг во земле лежит.

«Ты пошли мне, Господи, да любви земной —
Словно вечный свет во службу воскресную,
Пошли тихую, бестелесную».
Да на грешной земле нет любви такой.

Сколько лет я просил у Господа...
Сколько лет — не того просил!
Ты пошли мне, Господи, голоса,
Да еще в светлом небе радугу —
Да еще, Господи, радости...

СОДЕРЖАНИЕ
Александра Ангелова
Изваяние в комнате белой

«Журавлиная ось, перевернуто небо тобою...»	5
«Где шумит заколдованный бор...»	6
«Людвиг, Людвиг жил в столице...»	7
«Тонкострунный, деревянный...»	8
«Изваяние в комнате белой...»	9
«Мы были здесь, когда была зима...»	10
«Все же есть у меня одна тайная страсть...»	11
«Вы отпускаете меня...»	12
Памяти Маяковского	13
«Теперь, как прежде, хочется туда...»	15
«Где спала Лаура на подушке...»	16
«Время уходит в прорубь молчащего утра...»	17
«В моем саду и слова не растет...»	18
«Я хочу туда, где нету ни “да”, ни “нет”...»	20
«Мне беспамятство трудно далось...»	21
«Все проходит, и это пройдет...»	22
«Чуешь, летит гигантская птица Рух...»	23
«У меня красивые стихи...»	24
«Я буду искать тебя среди земных человек...»	25
«Приходила под утро, не скажешь, снилась...»	26
«Пальцы бьются в небесном органе...»	27
«В херувимской саду отдыхали...»	28
«Музыка северной полночи...»	29
«Ничего мне не надо от Бога...»	31
«Ничего мне не надо от Бога...»	32
Романс	34
«То и дело судьба говорит...»	35
«В бытии непростом, но каком-то немом...»	36

Анна Аликевич
Чужая песня

Татарская песня	37
Слава Игорю	39
Князь Игорь	40
Русская земля	41
Душа моя	43
Песнь о войне	44
Мастер	45
Песни девы	46
К имени	47
Песня о море	48
К бронзовой розе	49
Хозяин медной горы	50
Сказание о душе	51
Сказания о душе	52
Падший ангел	55
Курбский	
Письмо Курбского	56
Колокола	58
Последняя осень	60
Письмо Курбского	61
Письмо Курбского	62
Отречение	64
Уход	65
Молитвы	66
Листопад	68
Пир Грозного	70
Пир Грозного: Курбский	73
Молитва Курбского	75

